

Яснее и туманнее – одно- временно!

*Арсен
Маиров*

монолог о Вулохе

Начну с невольного сопоставления. Если живописные «яичницы» и «золото листопадов» Алексея Аникеёнка нашли место в квартирах казанских ценителей искусства, то монотонные «маярные полосы» его земляка и современника Игоря Вулоха мне ни у кого видеть не приходилось. Может, не у тех бывал? Да и имя это запоминающееся впервые услышал лишь в прошлом году.

Начал интересоваться. Открыл в интернете его галерею, «полюбовался», потом позвонил жене, она поморщилась и ушла на кухню. Когда же открыл Аникеёнка, то, проходя мимо, всё-таки задержалась. Конечно, первый – мрачен, скуп на палитру, неясен. Второй – это радость жизни, солнечный «импресси-

он»! В жизни, как правило, эти два чуждых друг другу мира сосуществуют...

Мне показалось, что Вулох – это Шаламов в живописи вкупе с Геннадием Айги. Да и живопись ли это?

Почему я вспомнил о Шаламове? Наверное, из-за возникшего ощущения, что Вулоху не хватает воздуха и красок. Ему тесно в запертом пространстве, откуда даже с помощью воображения не вырваться на волю. Косноязычие и туманность Айги также вспомнились не случайно...

Я не искусствовед, обыкновенный зритель, воспитанный на тех традиционных полотнах, что полвека висят на своих законных местах в нашем Доме Сандецкого. С возрастом я открывал,

как окна в весенний день, новые имена и картины. Так в моей жизни появились Анри Матисс, французские импрессионисты, крепостной художник Григорий Сорока, мастер жанровых сценок Леонид Саломаткин, примитивист Иван Селиванов. Конечно же, ещё Аникеёнок, Фешин и Анвар Сайфутдинов!

Но вот что мне кажется. Есть картины, от которых идёт если не поток эмоционального излучения, то хотя бы одинокий луч, согревающий душу. И тогда мы стоим перед ними и... светимся! Но есть и другие полотна, эти, наоборот, больше вбирают в себя, чем отдают. Тем и живут. Яркий пример – «Чёрный квадрат» Малевича. Работы Вулоха, кажется, имеют это же свойство – впитывать, забирать...

Вот хожу я по московской выставке, приуроченной к 70-летию художника. Одиноким посетителем, похоже, немец, стоит над витриной с графикой и размышляет вслух: «Этот работ... этот работ, ошен похож на синег, когда тот падёт с неба!»

Я пригляделся – так и есть, чёрные точки по всему ватману разбросаны, и скорее это «промышленный» снег, чем семена подсолнечника, хотя, может быть, и наоборот. Можно долго стоять над такой вот работой и насыщать её своими фантазиями, настроением, строить догадки. Она бездонна!

Сам Вулох специально не даёт своим картинам имён, говорит: «Названия ни к чему, потому что ставят зрителя в рамки, а рамки нужны только как обрамление картины». В это время за кадром диктор пытается размышлять: «Что это – философские обобщения или погружённость в детали? Вот пейзаж, написанный в Казани в середине прошлого века, и всё! На этом с реализмом покончено, дальше пошла абстракция с элементами минимализма, хотя Вулох так не считает...».

Но с минимализмом, похоже, согласен. «Приступая к работе, – признаётся художник, – я решаю для себя, что, например, не буду пользоваться более чем двумя или тремя красками и вертикаль, чтобы, находясь в этих грани-

цах, я выжал из себя всё, что мог, для того чтобы показать, что я из себя представляю».

Ещё раз смотрю на картины Вулоха, листаю туда-сюда, но... ничего не понимаю! Тогда обращаюсь к помощи искусствоведов. «Нонконформист советских времён – не столько идеологический, сколько эстетический, – пишут они. – Вулох продолжает делать то же, что и десять, двадцать, тридцать лет назад, не спеша, исследуя ту территорию возможностей самовыражения, которую однажды нашёл. Он не считает нужным тыкать зрителя носом в ветки нарисованных деревьев или ножки табуретки, беря в расчёт прежде всего конструкцию каждого мотива, красоту природы, как таковую. Абстрактная живопись Вулоха не совсем абстрактна; она изображает вполне конкретные вещи, но не вазу или яблоко, а поверхность, пространство, расстояние».

И всё-таки это абстракция! Уже теплее... «Абстракции Игоря Вулоха – не поиски объективной высшей геометрической истины, – пишет другой вулоховед, – но выражение каких-то сугубо личных настроений, озарений и ощущений. Начинал он с этакого беспредметного импрессионизма. Свои полотна 1960-х – начала 1970-х годов художник ещё называет «пейзажами», «интерьерами» и «экстерьерами». И правда, в жёлто-лиловых клубах и пятнах безошибочно угадывается туманный жухлый осенний лес, проникнутый столь свойственной русскому пейзажу меланхолией. В нагромождении чего-то угловатого, серебристо-сизого и асфальтово-голубоватого опознаются полуразрушенные хибары и бараки...».

И ещё одна выдержка: «Работая в области абстрактной живописи, Вулох никогда не порывал связи с природой. Вулох – её тонкий наблюдатель, и она служит ему психологическим убежищем. Подмечая разные явления природы, голубовато-серыми линиями он передаёт неустойчивость воды, а цветом, захватывающим пространство картины, – движение воздуха. Каждый шаг в рабо-

те Вулоха интуитивно прочувствован и одновременно поддержан глубоким знанием и пониманием того, что происходит в современной живописи: от опытов французского ташизма и информеля до американской школы экшнпейнтинг, а абстракции «жёсткого угла». В работах Вулоха пространство кажется созданным методом пальпации, тактильного исследования материи, поэтому в них нет пустых «не протестированных» художником участков. Даже когда форма сведена к минималистскому изображению, она пульсирует скрытым движением. Процесс создания таких произведений требует интенсивной психофизической отдачи, и поэтому количество работ у Вулоха не запредельное».

Эка, завернул столичный щелкопёр! В который раз просто восхищаюсь стилистическим богатством своеобразного «искусствоведческого» языка, обильно приправленного «соусом» малопонятной терминологии. В данном контексте даже возникло чувство издёвки или стёба...

Конечно, теперь многое стало яснее гораздо. Хотя, с другой стороны, ещё туманнее. Яснее и туманнее – одновременно! Но ближе, тем не менее, он мне не стал. Единственное, что роднит нас, – так это место рождения.

Но это всего лишь субъективное мнение одного из *не-поклонников*, которых, возможно, у Вулоха не так и много...

